

A woman with long, wavy brown hair and blue eyes stands in a rustic, sunlit interior. She wears a gold crown and a white apron with small dark spots over a brown long-sleeved top. She holds a basket of red tomatoes. In the background, a large owl with spread wings is perched on a wooden structure, and a tabby cat sits on a wooden staircase. The scene is filled with warm light and greenery with red tomatoes.

ДАНИЭЛЬ
БРЭЙН

УБИТЬСЯ
ВЕНИКОМ,
ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО!

Даниэль Брэйн Убиться веником, ваше высочество!

Серия «Где наша не попадала!
Фэнтези о попаданках», книга 4

*<https://litres.ru/73185538>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Из медийного лица, известного всей стране — в замарашку, у которой лишь одно преимущество: она похожа на наследницу трона. Принцессами не разбрасываются, и это я вместо нее отправлюсь в страну, где правит чудовище. Говорят, чудовище — это принц. Говорят, он безумно богат. А еще говорят, что принцессы не выживают — утверждают, будто чудовище их ест... байки, но пленниц монстра больше никто не видел.

Попытаться раскрыть эту тайну — лучше, чем всю жизнь за гроши прислуживать в паршивом трактире. Еще лучше нести просвещение и прогресс... если получится.

Жизнеутверждающая бытовая и детективная сказка про средневековье. Условия жизни — сущий ад, но соответствуют реалиям, а попаданка — традиционно зрелая и циничная и при этом полная позитива — разбирается и убирается.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	30
Глава 4	44
Глава 5	56
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Даниэль Брэйн

Убиться веником, ваше высочество!

Глава 1

Первый раз в жизни я кричала на человека, не видя его лица. Причем мы находились нос к носу, а крик был вызван не конфликтом.

– У нас нет мест! – нетерпеливо проорал мужчина в два сантиметра между приспущенным стеклом и уплотнителем, и я его прекрасно понимала. Я заставила его выйти под проливной дождь – сама-то я сидела в машине. – Но я могу запустить вас во двор. Устроит?

– Да, конечно, спасибо! – с облегчением завопила я в ответ и поспешно ткнула кнопку электростеклоподъемника. Пусть машина не моя... через щель залилась куча воды, и чистки и трат не избежать. Но неважно.

Мой спаситель в брезентовом плаще до пят пошел открывать ворота. Ливень был такой, что я моментом потеряла его из виду – ворота тоже, но я стояла прямо перед ними и врезаться в стену никак не могла. Спасибо, приятель, я заночую в машине, ехать в такую погоду нельзя, не написав завеща-

ние.

Мужчина вернулся, стукнул в стекло, махнул рукой, наклонился, всмотрелся в меня, а я в него. Здесь, далеко от хожёных мест, люди другие – хозяину, а может, администратору придорожной гостинички я дала бы лет шестьдесят пять, но хорошие, крепкие шестьдесят пять, таким шестидесяти пяти можно завидовать, когда тебе самой на пятнадцать лет меньше. Он отступил, несколько удивленный тем, что увидел в салоне, я от досады закусил губу. Ладно, сейчас разберемся.

Противотуманные фары освещали выложенную камнями дорожку сантиметров на тридцать вперед, но этого мне хватило. Я поставила машину на ручник, выключила противотуманки, оставив габаритные огни, и уже собралась откинуть спинку сиденья и поспать, как мужчина постучал в окно снова. Я приспустила стекло.

– Знаете... я, кажется, смогу найти для вас место, – прокричал он немного заискивающе. Черт. – Откройте багажник, я возьму ваши вещи, переоденетесь, вы же сейчас вся промокнете.

Я кивнула и сделала, что он просил. Что-то придумаю, ночевать в постели, какой бы она ни была, лучше.

Шаг на улицу, и меня смыло. Ливень стал еще сильнее, вдали прогрехотало, мой спаситель что-то крикнул – но нет, чтобы разобрать его слова, приходилось напрягаться не на шутку, – я натянула капюшон куртки на глаза, пискнула клю-

чом и прыжками по лужам кинулась туда, где расплывчатыми бледными пятнами светили окна мотеля.

Я прошла в гостиницу первая. Место не из тех, к которым я привыкла за последние несколько лет, да и вообще привыкла, но что делать? Испытывать благодарность. Хозяину и так придется извернуться, чтобы не нарушить какие-то правила и устроить меня на ночлег, а здесь сухо, тепло, очень чисто, хотя и скромно до невозможности, но какое дело здравомыслящему человеку до роскоши и понтов?

Мужчина прошел в дверь вместе с моим чемоданом, поставил его, обстоятельно отряхнул плащ, повесил на вешалку и улыбнулся. Я тоже улыбнулась – виновато, потому что воды с меня успело натечь.

– У меня тут все забито грибниками и туристами, – он смущенно почесал бровь, проигнорировав лужу подо мной, – и так расселил по пятеро в номере... Но пустует комната отдыха администратора. А у горничных есть диванчик. Денег я с вас за это, конечно, не возьму.

Вот это «конечно» мне не понравилось. Ну еще бы. Или я ошибалась?

– Там сможете просушить вещи, есть где. Пойдем? – предложил он. – У горничных поудобнее, если вас не смутит запах. Все-таки их одежда пахнет химией, да и в шкафах всякое стоит...

– У меня нет аллергии, не смутит.

– Ну вот и отлично. – Он перехватил чемодан, открыл пе-

редо мной дверь на лестницу. – Хорошо, что вы до нас добрались. Такая погода! Давно не было подобных бурь.

Горы, пожалала я плечами. В общем, да, погода мне здорово плюнула в душу. Мне нужно было добраться до соседнего федерального центра, а самолеты, естественно, не летали – ни в аэропорту вылета, ни в аэропорту назначения. Сутки у меня еще были, выплусь и завтра снова в путь.

– Что там гремит? – спросила я, останавливаясь на ступеньках и прислушиваясь. – На грозу непохоже.

– Горы, – теперь плечами пожал он. Горы, не спорю, но мне не нравился этот звук. И не очень нравилось выражение лица моего сопровождающего. – В непогоду всегда так. Сюда. Кстати, я Андрей Игоревич.

Ах ты хитрый су...

– Тина, – представилась я. – Просто Тина. Не люблю официоз.

И обворожительно улыбнулась. Потому что действительно так – если официально, будьте добры обращаться ко мне «госпожа Маринова», никакого имени-отчества. Раздражает и напоминает о прошлом, которое не стоит с настоящим мешать.

Андрей Игоревич поскутчел. Но мы уже стояли на пороге комнатки горничных, давать задний ход и отправлять меня обратно на улицу было поздно.

– Вы очень похожи на...

– Знаю, – кивнула я, пытаюсь не взбеситься. – Что похо-

жа. Даже погуглила, кто это такая. Если бы я зарабатывала столько, сколько она, сделала бы пластическую операцию. Возможно, это она должна делать, не я, но ведь ей платят в том числе за лицо, так что... я уступаю.

Андрей Игоревич шутку оценил и главное, что поверил.

– Извините, я правда очень устала. Вон диван, тут и лягу, не беспокойтесь. Спасибо вам и спокойной ночи.

– А... – начал было он, когда я закатила чемодан в комнату.

– Мы даже не родственники, – помотала я головой и закрыла дверь. Снова грохот, но теперь некому было вызывать у меня подозрения тем, что ему причина известна, а мне – нет.

Даже если завтра он спросит мои документы – не страшно. Мартина Маринова – обычные имя и фамилия, данные мне отцом-болгарином, но в отечественном проекте не прижились. Я и не возражала – какая мне разница, там грим, имидж и деньги. Просто деньги. Пусть Андрей Игоревич запишет меня куда положено как положено и всем рассказывает, что «она так похожа на Марию Морскую, ну, знаете же ее».

Свет в комнатке горел неровно, не справлялась подстанция или генератор. Я открыла шкаф, вытащила подушку и плед, кинула на диван, из чемодана достала спортивный костюм и быстро переоделась. Потом развесила мокрую одежду на стойке для сушки, выключила на всякий пожарный

случай все, что горело – и свет, и даже шнур телевизора выдернула из розетки, забралась на диванчик и свернулась комочком.

За окном творился апокалипсис и гремело все чаще и все сильнее. Если бы я не доехала до мотеля...

Что так беспокоило Андрея Игоревича и почему он промолчал? Не монстры же здесь, в конце концов. Или это связано с тем, кто я есть, а не с шумом?

В какой момент моя жизнь покатилась по колее неожиданной популярности и больших денег? Сколько лет я уже так живу – мотаясь по стране, рассказывая людям о местах, событиях, других людях, живших пять веков назад?

Я же учитель обществознания. И любитель пошариться по местам, где еще не успели нагадить туристы. Я никогда не вела блог, не делилась ничем и ни с кем, кроме как своими историями со своими учениками. Сорок три года я прожила, видя маленькие аэропорты и горящие глаза замерших от восторга детей – да, еще мужа, но муж прошел незамеченным, как и брак... До тех пор, пока кто-то из проверяющих, а может, и какой-то родитель, не выложил в сеть видео моего урока.

Я не поверила звонку. Да ладно, смешно, только слишком рано. У меня всего семь утра и выходной, извините. Но это оказалась не шутка.

Крупнейший телеканал пригласил меня вести передачу для школьников – и в первое лето мы записали ее, как и хо-

тели: простенькие маршруты с рассказами о местах согласно программе восьмого класса. Кто знал?

Кто знал, что через несколько месяцев эти записи выйдут на первые места по просмотрам и комментариям, потому что страна кинется познавать неизвестное и людям понадобится информация кроме рекламной и отзывов «был, все ок-норм» или «был, единица»? Я не знала, и режиссер передачи. На следующее лето мы записали аналогичные программы уже для взрослых, осенью мне предложили контракт на несколько лет – первый раз за всю историю современного отечественного телевидения познавательные передачи выбивали аудиторию даже у сериалов, уступая разве что спортивным трансляциям.

Меня узнавали. Работу в школе я оставила – деньги решают многое, если не все. И нравилось мне, что не только мои ученики влюбляются в скучные в общем-то для неувлеченных науки, которые скопом впихнули в один школьный предмет: социологию, философию, антропологию... Возрастной ценз передачи «6+», и дети смотрят, тоже смотрят...

Нет. Я утешала себя, все вранье, преподавать мне нравилось больше. Я с трудом отработала десять лет по диплому – юристом в городской консультации – и сбежала на профпереподготовку, а после в среднюю школу, от людей неискренних, капризных, застрявших в детстве сильнее, чем пятиклассники. Их алчность и лживость превращали меня в лютого зверя. А дети давали желание жить и ради них сво-

рачивать горы.

И имя-отчество осталось для них, для детей... Как самое светлое. Но теперь я могла делать для них почти невозможное.

Грохнуло прямо над головой, и я вздрогнула. Я не успела толком пообщаться с родными и знакомыми, пришлось удирать на следующую локацию. Они говорили – я изменилась, стала жестче, да ерунда, люди в сорок девять уже не меняются, они не боятся быть собой. Поэтому да – новому интерактивному классу, и нет – невнятной помощи «людям в трудной жизненной ситуации». Дойти до ближайшего магазина и спросить, не требуются ли сотрудники, можно, если до этого неделю не пить. Да – оплате операции и реабилитации мальчишке-спортсмену, потому что за деньги это элементарно быстрее, и нет – ремонту старого здания дома культуры, потому что его сносить надо, а не ремонтировать, оно опасно.

Мне не нужно столько денег – мать умерла, когда я училась на первом курсе, отец – несколько лет назад, родственники проявили себя не настолько, чтобы я могла ради них чем-то жертвовать, своих детей у меня нет... Но есть другие, кому я могу помочь.

Я все-таки задремала. Несмотря на шум за окном, на грохот, который был все ближе и все сильнее. Я устала – четыреста километров по горным дорогам, по адской погоде, организм брал свое.

Я очнулась, когда поняла, что дом трясет.

Здесь не могло быть землетрясения – они бывали, но очень слабые. Эти горы устойчивы, бояться нечего. Тогда почему снизу крики? Обвал? Сель?..

Этот засранец Андрей Игоревич еще вечером обо всем догадался?.. И молчал, надеялся, что сель пройдет мимо?

Рухнуло все внезапно и сразу. Грязная ледяная вода способна убить моментально – температурный шок, камни и острые обломки, но я, как ни странно, не умерла. Я кружилась в водовороте, зажмурив глаза, сохраняя остатки воздуха в легких, не понимая, куда меня тащит, и что мне делать, чтобы выбраться. Спасти от селя нереально – можно его избежать. Мне рассматривать варианты «что было бы если» уже не годилось.

Что-то сильно толкнуло меня в грудь, и я вдохнула. Больно и блаженно одновременно – освобождение от всего, пусть ни испугаться, ни отчаяться я не успела. Не дышать в эти несколько бесконечных секунд в воде было сложнее всего, и удивительно, но воздуха я глотнула. Меня в самый нужный момент выкинуло из потока?..

Похоже, да – или нет. Поток выплюнул меня и ушел. Я лежала ничком на чем-то до боли жестком, шум исчез, не было ни воды, ни холода, ни ветра. Меня даже не трясло после того, как я столько времени – сколько? – провела в селе, было несколько...

Необычно. Необычно, вот да. Я так просыпалась в незна-

комых местах и не могла понять, где я, что я.

Я подняла голову и кашлянула. Ничего не болело – я не обольщалась, зная, как действует шок, и медленно села, ощущая себя. Темно, я в каком-то здании, уцелевшем; как я сюда попала? Это уже неважно, и понятно, почему я не пострадала: плед, я запуталась в грубом гостиничном плед. Ноги почему-то были босыми, хотя я точно легла в носках; я попыталась подняться и глупо отметила, что пора записаться на педикюр. Вокруг куча обломков и трухи, а мне даже не режет ступни.

Через щели впереди пробивался свет – уже утро? Я прищурилась, осторожно пошевелила руками, ногами, проверила еще раз возможные травмы. Ничего. Я счастливица, если такое пережила.

Я замерла по двум причинам. Первая – я услышала голоса, вторая – я провела рукой по бедру и запоздало не поверила собственным ощущениям. Да, мне могло повезти как никому в жизни, я могла пережить сель, но почему я...

– Сюда, давай сюда, – раздался быстрый громкий шепот. – Залезай, здесь никого нет. Лили, давай... скорее, скорее!

– Здесь тепло, – услышала я ответ девочки лет десяти-двенадцати, не старше.

...Почему я одета не в спортивный костюм? Почему я совершенно сухая?

– Только ти-хо! Марибель, ты как? Лили, пролезешь? Эрме?..

Я повернулась на голоса. Где-то открылась дверь или ла-
зейка, потянуло воздухом и свежим дождем, какой редко
можно почуять, разве лишь так далеко от цивилизации, куда
редко кто заберется...

– Зажечь свечу?

– Осторожно! Чтобы нас не увидели! – Голос мужской,
обеспокоенный и злой. Что происходит?

– Я помню! – упрямо отозвалась девочка, несколько раз
что-то ударило, будто камень о камень, вспыхнула свеча, и
мы с девочкой вскрикнули одновременно. Мы оказались ли-
цом к лицу – этого просто не может быть, я и ребенок одного
роста? Во мне метр семьдесят два! – Эрме!..

Девочка дернулась, споткнулась, выронила свечу. Гореть,
кажется, нечему – один камень, и я наплевала на риск возго-
рания, подхватила девочку, чтобы она не упала, но она ловко
вывернулась и отскочила.

– Что ты натворила? – услышала я злой мужской шепот,
меня схватили за руку и больно заломили ее назад, и еще –
вцепились в волосы. Волосы?.. У меня «пикси», за что там
хватать? – Молчи, или я убью тебя, поняла?

Я сглотнула. Кто бы это ни был, я против них бессильна и
оказать сопротивление не могу. Только попробовать убедить
их, что я не опасна.

– Д-да, – всхлипнула я весьма натурально. – Отпусти...
те. Мне больно.

– Будешь орать?

Я помотала головой, и хватка ослабла, но не пропала. Све-
чу подобрали, зажгли снова, и я увидела троих незваных го-
стей: две девочки – лет десяти и пятнадцати-шестнадцати, и
парень лет восемнадцати: он стоял, прикрывая собой девчо-
нок, второй... а второй все еще торчал за моей спиной. Оде-
ты они были как привычные ролевики, изможденные – под-
ростки и молодежь, бывает, чудят с питанием, но пугающей
была не худоба. На них надеты ошейники – настоящие, и да-
же в свете слабенького огня я различила, что это не грим.
Или рубцы выглядят так естественно, что тому, кто их нанес,
стоит немедленно выслать портфолио в Голливуд.

Так не бывает.

– Кто ты такая? – спросил парень за моей спиной.

Кто я? Ну, я человек. Что я скажу? У меня в спортивном
костюме – каком костюме, где мой костюм? – пустые карма-
ны, он из стирки, а если эти четверо обо мне что-то слышали
и чем-то обозлены, то могут убить потому, что я ничего не
смогу им дать.

Меня, впрочем, опередили.

– Какая разница, кто она, важно, кто мы! Если мы оставим
ее в живых, она нас выдаст!

И я обреченно увидела в руках стоящего передо мной пар-
ня сверкнувший нож.

Глава 2

– Стой, Жано!

Старшая девочка испуганно вскинула худые руки в цыпках, а я побоялась надеяться. Я только что один раз умерла, ведь иначе не объяснить, как я совершенно сухая, одетая черт знает во что, лежала на полу в странном доме – странном, потому что здесь должны быть следы селя, но их нет.

И эти четверо слегка вымокли, но не так, как должны бы под ливнем. Дождь прошел, да, но несильный.

Не отбирайте у меня эту новую жизнь, что вам стоит?

– Она же ничего не расскажет? – сдавленно продолжала девочка, убеждая то ли себя, то ли своих товарищей.

Я помотала головой. Неприятное ощущение, и ничего не поделать. Их четверо – ладно, двое, но двое парней намного сильнее и крепче меня, и драпать мне некуда. Когда мы уезжали на съемки, нам повторяли: будет опасность – любая, где угодно, какая угодно, уходите, не ввязывайтесь. Правда, бывало, что туристы и походники натыкались на беглых заключенных, и тогда...

Это преступники? Боже, они же дети.

– Я ничего не скажу. Я... – пообещать что угодно. Еды? Воды? А есть ли и то, и другое? Есть ли вода и еда у меня? – Я вас не выдам.

Жано подумал и спрятал нож.

– Когда меняется стража? – спросил он отрывисто.

Я дернула плечом. Прости, брат, но я знаю обо всем куда меньше, чем ты можешь представить.

– Нам нужно пройти в... – начал парень, стоявший за мной, и на него зашикали все разом.

– Ты с ума сошел? Зачем ты ей это говоришь? – прошипела старшая девочка.

– Вы думаете, она совсем дурочка? – с невеселым смешком отозвался мой страж. – Она не знает, куда бегут рабы из Бежатона? Кто этого не знает, Лили?

Рабы?.. Я всмотрелась в их ошейники. Как им удалось бежать? Впрочем, какое мне дело, моя задача самой уцелеть, потому что этим ребятам терять нечего. И я не уверена, что могу им помочь, что-то сделать даже для девочек. Мне что-то – босые ноги и сон на полу? – подсказывает, что я ничего не могу, что мое положение лучше, но ненамного.

– Я не знаю, – вдруг сказала младшая девочка, и парень наконец отпустил меня, сделал шаг в сторону и присел на корточки, протянув к ней руки.

– Иди сюда, Марибель... – пригласил он, и малышка – ей не больше десяти лет, и у нее на шее ошейник, но нет, слава всем богам, жутких шрамов! – не стала упрячиться. – Иди сюда. Мы бежим в Астри. Там, в Астри, нас никто не преследует. Никогда. Там мы все будем свободными. Поняла?

Он взял ладошки девочки в свои, а у меня защемило сердце. Мне показалось, что маленькая Марибель все прекрас-

но понимает и помнит, но отчего-то ей важно слышать эти слова снова и снова. Может быть, они ей дарят призрачную надежду.

Она знает, что они никогда не окажутся в Астри?..

– Если вдруг, – продолжал парень, не сводя с Марибель взгляда, – что-то случится со мной, с Лили или с Жано, ты должна добраться до Астри. Должна. Обещаешь? – И он повернулся ко мне, сверкнув глазами – куда делась нежность, с которой он только что говорил: – Ты... принеси нам что-нибудь, чтобы снять ошейник.

Я не придумала ничего лучше – или даже не потрудилась подумать.

– У вас же есть нож?

Парень – Эрме? – ухмыльнулся.

– Он не поможет. Нужно что-то более крепкое. Хотя бы... – он помрачнел. – Хотя бы снять ошейник с моей сестры. Потому что наши уже не снять, Лили! – он крикнул, хотя и прозвучало негромко, на старшую девочку, попытавшуюся возразить. – У нее больше шансов добраться до Астри!

– Больше шансов, – хохотнул Жано с нотками истерики. – Как ты наивен, Эрме. Будь честен с самим собой, шансов нет ни у кого из нас.

– Мы уже сбежали от господина Занотти, – горячо заговорил Эрме, но я перебила его:

– Я посмотрю?

От того, что будет дальше, зависит многое. Эрме окиды-

вал меня мрачным взглядом – свеча отбрасывала тени на его лицо, и выглядел он угрожающе. Совсем молоденький паренек, если вспомнить, сколько мне лет, годится мне, в общем, во внуки, но... а сколько мне все-таки лет? Все четверо обращались со мной как девчонкой. С меня стерли лет сорок, словно салфеткой?

Не бояться, не показывать страх. Эрме неохотно кивнул.

– Я осторожно, – пообещала я, приседая перед маленькой Марибель. Я была – стала? – ниже ростом, непривычно. – Не бойся.

Видимо, ошейник на нее надели не так и давно, он был ей велик, болтался на шее, не натирал, не причинял неудобств и боли. Я подумала, что, возможно, рабам меняют ошейники, но лишь когда несчастные начинают задыхаться... Нет, разрезать его не получится. Ошейник кожаный, но – я подцепила ногтем край – между двумя слоями кожи металл, и даже если удастся чудом срезать кожаную часть, металл останется.

Я опустила руки и покачала головой.

– Знаешь, что тебе будет за то, что ты помогаешь нам? – спросил Жано. Я опять покачала головой. – Тебя выволокут на площадь и будут прилюдно пороть. Обычно порют до смерти. В Комстейне нет рабов, но между нашими королями договоренность. Тебя могут наказать.

– Пусть накажут.

Мне стало все равно. Что у меня осталось? Ничего. Я не знаю, кто я, как меня зовут, и все говорит мне, что я не ра-

быня, но... бесправная нищенка, и вряд ли мне самой есть где жить и что есть. Я опустила взгляд на свою юбку: грубая, обмотанная вокруг моей талии дважды, чужая, поношенная; рубаха не по размеру давно почернела, ноги... а, про мои ноги не стоит и упоминать.

Засекут до смерти, но я не в том месте, где можно о чем-то сожалеть.

– Иди, – разрешил Эрме, не глядя на меня. – Мы скоро уйдем отсюда. Как совсем стемнеет. Иди и никому не говори, что нас видела.

Я открыла и тут же закрыла рот. Я могла бы сказать, что приведу помощь, принесу немного еды, но что толку от пустых обещаний, когда мне ничего не известно? Отпускают, дают мне шанс, глупо им не воспользоваться... наверное.

– Иди, глупая девчонка! – Эрме повысил голос, а я еще порывалась что-то вымолвить, но после этих слов растеряла все мысли. Если я для него, паренька лет восемнадцати, девчонка... И я повернулась и пошла, сама не зная куда, в темноту, и длинная тяжелая юбка путалась под ногами, а в босые ступни наконец-то врезался острый камень. Я только поморщилась – почти не больно.

Вот и лестница, каменные ступени, они ведут куда-то наверх, и что там – я не знаю, конечно. Но у меня же выбора нет? Я поднималась, стараясь не споткнуться и ощущая, что мне смотрят в спину все четверо.

Мне бы радоваться, что я умерла и не умерла, что я по-

лучила возможность жить почти с начала, только вот – что за старт, что за жизнь, что за перспективы? Юная, нищая, необразованная, ступаю по темному открывшемуся передо мной коридору – темному, как все это бытие...

Здесь плавали запахи – тяжелые, неприятные, но пахло едой и чем-то вроде дешевого спирта. Неплотно прикрытая дверь впереди вела в освещенное помещение. Я ощутила, что немного замерзла и голодна – явно я ем не досыта. Я шла на свет, и запахи еды мешались с новыми – уже не относящимися к еде, или как посмотреть, на какой ее стадии существования. Свежесть дождя как будто не принадлежала этому миру, а может, то был фантом, и здесь всегда так невыносимо воняло.

Я и везунчик и лузер одновременно, я баловень судьбы и ее же игрушка, я какая-то...

– Замарашка!

Я вздрогнула. Свет после подвала меня ослепил, глаза заслезились, а разум не мог сопоставить плывущую передо мной пугающую картинку и реальность, которая за ней крылась.

– Опять дрыхла, лентяйка? – вопила визгливая женщина. Я ее не видела, она не видела меня, но откуда-то знала, кто явился. – Скажу хозяйке, она тебя снова высечет! А ну, иди убирай в зале, там господин Сеж устроил не пойми что!

Я придержала за собой дверь, чтобы Эрме и остальные услышали ее крики и сообразили, что идти следом за мной

не стоит. Что будет, если вниз кто-то спустится? Скорее всего, ничего, потому никто не пошел за мной специально, а больше в подвале ничего нет. Значит, и за ними никто не пойдет, но это неточно, а потому – пусть они сами решают, как быть.

Кухня была грязная, тесная, ее завалили немытой посудой и протухшей едой, вонь висела завесой и кружили жирные мухи. Даже огрубевшими ногами я чувствовала, насколько липкий и жирный пол, не мытый годами, я шла словно по помойке босая, и по лицу, казалось, стекала гнилая воздушная мерзость.

– Наглая ленивая девка! – бушевала женщина. Она уже вышла ко мне – на вид ей было лет тридцать, но выглядела она на все пятьдесят, грубая, измотанная тяжелой работой. – А ну пошла! Пороть тебя некому! – И она замахнулась на меня деревянной плоской на длинной ручке – на пол шлепнулся мутный кусок жира. Меня затошнило, а женщина подобрала кусок, придирчиво осмотрела его и кинула в варево. – Эдме, как тебя земля носит?

Как же я угадала – прислуга, причем самого низшего ранга. Скорее всего, сирота, вероятно, неграмотная. Меня подобрали из жалости, и это чувство, насколько я представляла себе прошлое человечества – пусть не как доктор наук, как учитель, – не было издевкой или насмешкой. Все по доброте души, я бы сдохла на улице так или иначе, если бы не повариха или хозяйка, они действительно мои благодетели...

Сами забьют до смерти не сегодня, так завтра. И стоит оберегать такую жизнь?

А разве нет? Я, проходя мимо стола, на котором среди посуды истекала кровью полуразделанная туша, мимо очага, пекшего жаром, решила, что какая бы ни была эта жизнь, это – жизнь. Подаренные годы, сколько их меня ждет, неизвестно, и можно, конечно, заорать и запричитать, вспоминая, что у меня было раньше, но разве это поможет?

Черт возьми! Я прошла насквозь кухню, заметила возле двери разбитое деревянное ведро с грязной водой и сальную тряпку, взяла их и вышла в гудящий зал. Один шаг, и из царства мух я попала в царство свиней. Здесь тоже воняло – кислотной, потом и горелым жиром, грохоча деревянными сабо, выплясывала на столе пьяная девка, которую сдернули вниз под общий гогот.

– Эдме-е! – услышала я нетрезвый довольный крик, и подле моих ног шлепнулся тухлый помидор. – Долго же тебя не было, девка! А может, ко мне пойдешь? Чем тряпкой елозить?

Визги и хихиканье продажных девиц, разухабистые вопли, но в целом каждая компания занята была только собой, и кроме этого человека никто мое появление не заметил. Я сквозь мутное душное марево вглядывалась в довольную сальную ряху: какой-то матрос, судя по одежде, хотя – о чем я могла судить? Его товарищи заулюлюкали, кто-то бросил в меня еще один помидор, я увернулась.

Посетители за другими столами не обращали на меня внимания, лишь вопили, призывая выпивку и не занятых еще гуляющих девок. К матросам, бесцеремонно расталкивая всех, кто попадался на пути, протиснулась грудастая молодая женщина, тащившая сразу пять кружек какого-то пойла.

– А ну, Реми, убери руки! – рявкнула она. – Пролью – платить все равно будешь! – Она злобно отпнула чью-то ногу, торчащую из-под стола. – Жасу, попробуй свалить, не заплатив, я тебе задницу натяну на уши! Я вас всех насквозь вижу!

Кто-то попытался ущипнуть ее за зад, женщина развернулась и со всей силы шарахнула наглеца кружкой по голове. Естественно, все расплескалось, кислятина начала выедать мне глаза, раздался вой, а следом – крик женщины:

– Еще раз так сделаешь, засуну тебе эту кружку знаешь куда? И не смейте лапать моих девок! Мне пузатые дармоедки не нужны! Лакай, Сир, не лопни!

Она грохнула пустую кружку перед облитым матросом, вытерла руки о юбку и повернулась ко мне.

– Что встала, бестолочь? Пошла! – и выдала такую порцию отборной ругани, что притихли даже матросы. – Или я тебя сама высеку так, что ходить до конца своих дней не сможешь, только ползать!

Я могла бы сказать, что жизнь потрепала эту несчастную, что она не была такой злобной или озлобленной, но нет. Если я что-то и уяснила, так это то, что люди не те, какими нам их хочется видеть. Ей нравились и эта публика, и это ме-

сто, и что она может грубить, бить, унижать, ругаться, и все это безнаказанно – и даже за плату. Матросы за ее спиной выкладывали на стол крупные монеты – может быть, здесь хорошо по их меркам и дешево кормили? Лицо у женщины было не злым, а презрительным, самодовольным, она была в этом средоточии дерьма королевой, казнила и миловала, и как в число тех, кого она милует и казнит, попала я?

Может, мне тоже надо сбежать? С рабами, которые ищут убежище, стоит отправиться в дальний путь, и пройду я его или нет, кто знает, но, может, мне в Астри будет намного лучше?

Я под тяжелыми взглядами подобрала юбку, засеменила в другой конец зала, и когда проходила мимо хозяйки, она дала мне под зад увесистого пинка. Я не удержалась, рухнула и проскользила по плевкам и объедкам, ведро я уронила, вода разлилась, и лишь тряпку я сжимала в руке как сокровище.

Те, кто видел мое падение, радостно и злобно заржали. Те, кто не видел, остались к нему равнодушны. Да, мне где угодно будет лучше, чем здесь, подумала я, поднимаясь, собирая свои нехитрые причиндалы и стараясь не встречаться ни с кем взглядом.

– Налево, Эдме! – перекрывая хохот, пьяные выкрики и попытки заорать песни, проревела хозяйка. Я повернула голову. – И чтобы было чисто!

Здесь кто-то с кем-то крепко повздорил. Один участник драки, с пробитой головой, лежал грудью на столе и не ды-

шал. Второй был в крови, дрых кверху толстым пузом и от души храпел. Валялся он в отвратительной вонючей луже – я в отчаянии перевела взгляд на тряпку и ведро.

Я ведь хочу жить, не так ли?

Я набросила тряпку на лужу. Я ведь хочу жить, правильно? Даже если отбросить брезгливость, в этой антисанитарии я не протяну, если буду все это собирать руками. Холера – меньшее, что меня может ждать.

– Куда это ты, Эдме, пошла? – перекрыл мне дорогу молодой парень, очень похожий на хозяйку. Брат? – Вон туда иди! Дурная! – и он указал пальцем туда, где валялись один покойник и один пока что еще живой.

– Я... за водой, господин, – пискнула я как можно почтительнее. Парень сморщился и кивнул, обозвав меня безмозгой, а я толкнула тяжеленную дверь и выскочила на улицу.

Блаженство?..

Пожалуй, если сравнить с тем, что в стенах трактира. А снаружи – да, вонь. Да, крики. Висела луна – ущербный надкусанный ломтик, стыдливо прикрытый жидкими облачками. Дома в два этажа, прилепившиеся друг к другу, как пьяные нищие. Дорога, и не различить, брусчатка это или превращенная в камень глина... А если дожждаться дуновения ветерка, то можно жадно схватить губами тот самый воздух – свежий и непривычный, но увы, ветер здесь терялся среди стен и крыш, сворачивался клубком и угасал, но даже глотка мне хватило, чтобы не слишком отчаяться.

Людей почти не было, вдаль я заметила двух всадников. Они неторопливо ехали, и кони размеренно цокали подковами.

Все-таки камень под слоем дерьма.

Брат хозяйки не возражал, что я пошла за водой, значит, вода где-то здесь. Какие у меня планы? Убраться, постараться не заразиться и еще сделать так, чтобы мне дали что-нибудь из еды, тогда я, как все заснут, спущусь в подвал, разделю еду с беглецами и попрошу их взять меня с собой. И нож, мне нужен нож... и какая-нибудь обувь.

Мимо меня спешно прошла женщина. Она повернула в мою сторону голову, пробурчала что-то вроде «Эдме, не прибили ее еще», но общем я ее интересовала мало. Я хотела спросить у нее, где вода, но подумала – ни к чему лишний раз обращать на себя внимание. Я не знаю, какие у меня есть права, может быть, никаких, и мое положение поломойки в дрянном трактире – все, на что я могу рассчитывать.

А вот всадник меня окликнул.

– Эй! – крикнул он. – Ты куда, девка?

Я решила не обострять и без того шаткое положение и неуклюже сделала книксен.

– За водой, добрый господин. Хозяйка велела прибраться.

– За водой, – хмыкнул он. – Ходите по ночам, а вас потом в канавах находят. Ну иди, коль жизнь не мила.

– А где вода, добрый господин?

Держат за дурочку – надо воспользоваться.

– Там, – он махнул рукой, и я, поклонившись, поспешила вверх по улице. Ломтик луны приоткрыл наготу, света стало больше. Ну и дерьмо... какое дерьмо. Везде дерьмо. Будто в подтверждение моих мыслей наверху открылось окно, и в метре передо мной шлепнулось содержимое ночного горшка.

– Эй! – вдруг услышала я. – Эй, девка, а ну стой!

Я застыла лишь на мгновение – не потому, что решила подчиниться, потому, что искала, куда рвануть. Стены, стены, двери – и заперты...

– Куда!.. А ну стой!

Я размахнулась, пульнула ведром в сторону нагоняющих меня всадников. Заржала лошадь, раздалась ругань, я задрала до живота юбку и припустила, перепрыгивая через кучи, но безумие полагать, что я смогу скрыться от конников. Если сейчас не появится какой-нибудь ход, узкий, между домами, куда мне удастся юркнуть...

Меня нагнали в два счета и сильно дернули, так, что я заорала не от испуга или от злости – от боли. Мне показалось, что руку вывернули из суставов, и даже то, что следом мне вlepили увесистую пощечину и рванули за волосы, было сухой ерундой.

– Ты смотри, и правда, – с удивлением заметил второй стражник. Сквозь слезы я рассмотрела, что подъехал и первый – тот, кто со мной говорил. – Похожа. Я тебе сказал, что похожа. Ты, Лику, так и просидишь в городской страже, по-

ка тебя кто-нибудь не пырнет в подворотне, потому что ты тупой.

Все мои мысли были только о горячей руке. Я осторожно пошевелила ей – больно, но обошлось. Возможно, эти двое уже научились людей не калечить?

– Ну, раз похожа, дай ей еще раз, чтобы не орала, и повезли? – равнодушно отозвался Лику. – Кинем к остальным, там пусть разбираются.

– Я не хочу! – завизжала я, но оплеуха была не пустой угрозой. От нового удара я не сразу вспомнила, как дышать, и с трудом разобрала сквозь звон в ушах:

– Дура-девка! Счастья своего не понимаешь!

Засунь себе свое счастье знаешь куда?..

Глава 3

Соппротивление должно быть своевременным и более продуманным, чем мнимая покорность, иначе цена ему высока. Я ничего не могла противопоставить двум здоровенным мужикам, вооруженным мечами, сидящим на лошадях, потому что ведро, мое единственное оружие, я в них уже запустила. За стражниками власть, сила, скорость и знание этого проклятого города, за мной – ничего ровным счетом. Я старалась в отчаяние не впадать, лежала, вдыхала воздух сквозь зубы, терпела боль, пыталась не поддаваться ощущению тошноты и думала.

Куда они меня тащат, в кабак – сомнительно, у меня такой вид, что даже матрос предложил свое общество больше из жалости. На органы? Исключено. Рабства здесь нет, а стражники слишком открыто декларируют мое похищение. Что тогда, на кого, как они выяснили, я похожа, и чем мне это сходство-счастье грозит?

Пока у меня нет шанса сбежать. Или есть? В этом мире существует магия? Что с магией у меня? Попробую – абра-швабра-кадабра?..

Я висела вниз головой, животом на крупе, и каждый шаг лошади отдавался режью в пустом желудке. Боль в руке постепенно уменьшалась и наконец осталась тупой и ненавязчивой. Перед глазами проплывала местами влажная после

дождя, местами подсохшая глина – или не глина, а дерьмо, один раз я в свете луны различила блеск – монетка!

– Лежи тихо! – стражник несильно шлепнул меня по спине. – Голодная, небось?

– Угу, – согласилась я, но мне ничего не перепало. Зато буквально минуты через две лошади остановились, раздался стук, потом скрип открывающейся двери, и меня стащили, поставили на ноги перед заросшим бородой высоким мужиком.

– Забирай, – предложил Лику. – Не знаю кто, на улице поймали.

Мужик посмотрел на меня, наклонил голову, приподнял ручищей мой подбородок и изучил мое лицо. Я следила за его реакцией – что будет? Заберет или выкинет?

– Страшная, как вся моя жизнь, – заключил он, – тощая как тарань, грязная как свинья. Смотреть и то противно. Но вроде похожа.

– Раз похожа, то чего уставился? – рыкнул второй стражник. – Запиши: Орсен и Лику.

– А! – воскликнул мужик, но стражники уже развернулись и поехали обратно. – Как я запишу, я неграмотный. Девка, запомнила, кто тебя привез? Сейчас брата Луи сыщем, он запишет...

Брат Луи вселил в меня надежду. Монастырь – это хорошо, это просто замечательно. С оговорками, и все же – лучше в монастыре, чем за его пределами, с учетом эпохи. В

монастыре точно кормят.

– Голодная? – спросил мужик, подталкивая меня к двери.
– Сейчас накормим. Вымыть бы тебя еще, воняешь, но это как брат Луи скажет. Пошли, пошли. Как звать тебя? Ты что, немая?

Он остановился на пороге, а мне показалось, что моя «немота» его озадачила. Продолжать подыгрывать его догадке или открыть рот?

– Ладно, иди, пусть святой брат разбирается, – решил мужик. – Если ты не немая, то я Арман. Вон туда.

Из темного узенького коридорчика Арман вытолкнул меня в маленькую душную комнатку размером чуть больше ванной в обычной квартире. Возле одной стены была деревянная лавка, покрытая тканью, возле другой – крохотный столик, и за ним сидел старенький подслеповатый монах. При виде меня он поднял голову, кивнул и выжидающе посмотрел на Армана.

– Э-э... на улице поймали, а кто поймал – запоматовал, – признался тот. – Девка, кто тебя привез?

– А я не помню, – мстительно сказала я, забыв, что не решила, что делать с моей немотой.

– Гляди, святой брат, она не немая, – удивился Арман. – Тебя как звать?

– Эдме, – пожала плечами я. Это все, что мне о себе известно, дальше хоть подвешивайте на дыбу.

– Эдме... а дальше? – ласково спросил монах. – Покрови-

тельница, надо же, Эдме... – Он развел руки, и пламя свечи подмигнуло. – Сколько лет тебе, Эдме?

Отличный вопрос. Прости, брат, понятия не имею.

– Она дурная, что ли? – нахмурился монах. – Эдме, а ну-ка, что у меня в руке?

Шарик. Монах показывал мне прозрачный синеватый каменный шарик, который сам по себе менял цвет, переливался, вспыхивал, и у меня против воли расширились глаза – я даже в прежней жизни... – прежней? Надо привыкать! – восхитилась бы подобным чудом, но монах моего восторга не оценил.

– Забирай ее, – он спрятал шарик под одежду и устало махнул рукой. – Как есть дурная. Но не на улицу же ее, она, вестимо, и дома своего не найдет. Оставь пока среди прочих, потом я ее сестре Клотильде отдам. Пусть в скорбном доме прибирается, там ей ума хватит. Только покорми ее и посмотри, во что переодеть, а то страсть такую в святую обитель вести негоже.

А для меня неплохо все складывается, подумала я, приседая перед монахом в робком книксене. Прибираться в скорбном доме, что бы это ни значило, лучше, чем делать то же самое в кабаке. Монах занялся писаниной в книге, которая перед ним лежала, а Арман развернул меня к выходу.

– Эдме, – повторил он, – ну надо же.

Что ты ко мне привязался?

В этой обители полно преимуществ: тихо, не воняет, да-

же наоборот – пахнет приятно и аппетитно. Во главе – или хотя бы условно во главе – вменяемый спокойный старичок, который не собирается поправлять свое положение за мой счет. Мы снова шли по узкому каменному коридорчику, и здоровяку Арману с его габаритами было тесно.

– А! Накормить тебя святой брат велел, – бормотал Арман. Он и сам не блистал умом, бедолага. – Ты голодная. Да? – Я кивнула. – Ну ладно... давай-ка сначала сюда, девка. Э-э... Эдме. Ну надо же.

Что тебе в моем имени, заскрипела я зубами и вытянула шею, всматриваясь, куда он меня привел. Снова небольшое низкое помещение, темное, влажное, душное, с тремя огромными бочками...

– Лезь, – скомандовал Арман. Сам он не заходил и даже не заглядывал внутрь. – А я пришлю кого, чтобы тебе одежду дали.

Да это баня, осенило меня, и я влетела в комнатку, не дожидаясь тычка. Арман закрыл дверь и ушел, а я быстро начала раздеваться.

Все, кто встретился мне – Лили, Марибель, повариха, хозяйка трактира, разгульные девки, женщина на улице – одеты были примерно так же, как и я: грубая юбка, рубаха и что-то напоминающее не то лиф, не то жилет на шнуровке. Может, мне не передалась моторика тела Эдме, а может, эта поросюха не снимала одежду годами, и пришлось повозиться: тонкие полоски кожи на лифе почти срослись, грубыми

пальцами справиться с ними не выходило. Я подошла ближе к единственному источнику света – трем свечкам на узком столике, и упрямо принялась избавляться от жилетки. Когда терпение было уже практически на исходе, самый капризный узел поддался, и я ускорила. Оттого что в монастыре не несло дерьмом и гнилью, мне стало казаться, что сама я воняю немилосердно, и сработала психосоматика – я начала чесаться вся, с ног до головы.

Нетерпение подгоняло. Пусть вода здесь не первой свежести, пусть в ней мылся с десятков таких голодранок как я, пусть в этих бочках давно завелась жизнь и с радостью набросится на меня, но хотя бы смыть с себя кабацкое дерьмо – я видела, чем Эдме приходилось заниматься. И это я еще ничего о себе не знаю...

Наконец упала к моим ногам и юбка, я сорвала с себя рубаху и изучила новое тело.

Синяки повсюду, но оставлены побоями и моей собственной неловкостью, а не насилием; кожа и кости, но это понятно; волосы спутаны, ноги... наверное, я никогда в жизни не знала обуви. Отпнув грязную одежду, я в чем мать родила подошла к бочкам и заглянула в них, оценив на глаз загаженность воды, и чем можно помыться, ведь мыла нет?..

На скамеечке, стоявшей в углу, я нашла нечто, похожее на залитую водой золу в горшочке. Я сунула руку в бочки по очереди – вода порядком остывшая, но не настолько паршивая, как я могла ожидать. Сперва ополоснуться в самой

мутной воде, потом в более чистой и после – в последней бочке, в которой, похоже, никто не до меня и не мылся, и это не самый мудрый план с точки зрения гигиены, допустим. Я подтащила к бочке с грязной водой шаткую скамеечку, осторожно поставила на бортик горшок с золой и, стараясь его не зацепить, влезла в бочку сама.

Вода оказалась холоднее, чем мне показалось, и чище, чем я подумала. Бочка пригодилась кому-то от силы пару раз. К черту брезгливость, выбор у меня существует такой: или я пытаюсь отмыться, пока есть возможность, или корчу из себя принцессу крови; приходит Арман, доносит о моих выкрутасах монаху, и тот приказывает выкинуть меня вон. Не стоит будить лихо, пока оно тихо спит и благодушно ко мне настроено.

Зола, или что это было, отлично мылилось и очень приятно пахло. Вода пошла темной пеной, я намыливала тело и волосы, окуналась, смывая с себя все, и намыливалась снова. После четырех ныряний я решила, что можно перейти ко второму этапу, и перебралась в соседнюю бочку, оставив на полу щедрые пенные лужи.

Когда я плескалась в третьей бочке, радостно выдыхая и предпочитая не думать, что я могла подхватить, пришла монашка. Я вынырнула, ойкнула, но монашка не повернула ко мне головы, сдвинула в сторону свечи, положила на столик одежду и тряпку и ушла. На еду, святая сестра, пожлобились?

Процесс омовения был похож на тот, что существовал в знакомой мне истории, но с отличиями. Не было ни простыней, в которые можно завернуться во время мытья и после, ни хоть какого обогрева помещений. Но, подумала я, выбираясь из бочки и от души прыгая среди луж, чтобы не замерзнуть, мне могло повезти куда меньше, я могла очутиться не среди горожан, а среди аристократии, которую так любили превозносить в кино и книгах, забывая, что образ жизни сильных мира этих эпох был далек от образца подражания. В то время как «средний класс» хоть сколько-то заботился о себе, дворянство деградировало с таким рвением, словно поставило это целью.

Тряпка, может, имела иное предназначение, но я кое-как замотала в нее волосы и закрутила тюрбан на голове. Одежду мне принесли очень простую – юбка, рубаха, лиф. Нижнего белья не существовало, обувь или посчитали для меня роскошью, или не нашли. Наряд был поношенный, но относительно чистый, что навело меня на скверную мысль – кто носил его до меня и почему перестал, может, умер, и если да, то от чего и насколько это заразно? Впрочем... к черту.

Конечно, все было великовато, но превосходно по сравнению с тем, что я носила до мытья. Еще не человек, уже не никчемный кусок дерьма. Жить можно. Я скинула с головы тряпку, пальцами расчесала волосы – зола сработала как салонный бальзам, колтуны распадались сами собой, – заплела косу и осторожно открыла дверь.

Никого. По обе стороны коридора никого, обо мне все забыли?

Я слышала приглушенные голоса – молитвы или песнопения, и благоразумно не пошла в ту сторону, опасаясь, что случайно нарушу какой-то запрет. Я потянула носом – пахнет едой? – желудок уже резало довольно сильно, игнорировать боль не получалось. Эдме всегда так жила и радовалась, когда перепадала черствая краюха хлеба? Как часто ей вообще выпадало поесть?

Я остановилась напротив деревянной двери и постучала. Если там никого нет, пойду дальше, попрошу отвести меня к сестре Клотильде – брат Луи собирался сплавить меня именно ей.

Ответа не было, я пожала плечами, потерла, морщась, живот и, слегка скривившись, пошла дальше по коридору, как вдруг открылась дверь – не та, в которую я стучала, и меня с ног до головы окатила презрением монашка. Одежду мне приносила другая сестра, и до меня дошло, что я нахожусь в женском монастыре.

– Здравствуйтесь, сестра, – улыбнулась я, – я ищу сестру Клотильду. Брат Луи...

Оплеуха была не болезненной, но обидной. Человеколюбие не входило в число добродетелей местных служителей культа. Я сверкнула глазами, рука монашки дернулась, но на этот раз она сдержалась.

– Дерзкая какая, непочтительная, – прошипела она. – Об-

ражайся ко мне «благочестивая мать» и глаза держи долу! Поняла?

Я кивнула. Похоже, лупить меня здесь будут все, кто дотянется, и при попытке бунта с моей стороны легче мне точно не станет.

– Пойдем.

Я уставилась в гладкий каменный пол монастыря и послушно пошла за монахиней. Справа открылась дверь, вышла юбка – я подняла голову, оценила мощную, как гранатер, женщину с ночным горшком в руках. При вида монахини женщина растеклась в приторной улыбке.

– Благословите, благочестивая мать!

Монашка небрежно махнула рукой в сторону женщины и посмотрела на меня. Значит, благословлять человека с горшком в руках – норма жизни, а за неуместное слово сразу по морде, приятный мир, что говорить. Взгляд монахини был такой суровый, что я попятилась в приоткрытую дверь.

– Куда? – осадила меня благочестивая мать. – Отребью тут не место! За мной иди!

И, думала я, теперь уже глаза по сторонам открыто, на кой черт вам здесь отребье, в частности я? Меня похитили и насильно удерживают – зачем, что за сходство, о котором говорили стражники и Арман, в чем мое счастье – в борделе? Очень странно, если к борделю имеет отношение монастырь. Тогда – принесут в жертву?

– Ну, что встала? – спросила благочестивая мать и указала

мне на очередную дверь. – Заходи. Тут заночуешь.

Я пожала плечами и толкнула дверь. Помещение напомнило тюремную камеру – узкие лежаки вдоль стен, четыре женщины разного возраста, но все-таки молодые. Монахиня с силой захлопнула за мной дверь – я успела отпрыгнуть и подумать, что сейчас меня опять будут бить.

– Эдме! – закричала полулежавшая на лавке девица и вскочила. – Надо же, и тебя привезли! Вот глупая, – повернулась она к остальным, – совсем скорбная. Даже меня не узнает.

– И куда ее такую? – проворчала полная женщина – а нет, кажется, не полная, просто беременная. – Зачем они скорбную-то взяли?

– Похожа, может? – заметила самая старшая, посмотрела на меня, улыбнулась – люди тут умеют улыбаться, куда катится мир! – и полезла за пазуху. – Тошная какая, голодная, наверное. Кушать хочешь? Держи, – и она протянула мне кусок хлеба.

Да, если у меня и были сомнения в собственной умственной полноценности, то сейчас они укрепились донельзя. Я с жадностью схватила краюху, как оголодавший зверек, и так же жадно, давясь, принялась отщипывать от нее куски и засовывать в рот. Хлеб был несоленый, безвкусный, но мне казался пищей богов.

– Она добрая, безропотная, – рассказывала знакомая со мной прежней девица. – Работящая. Мать ее такая же бы-

ла... Эдме лет десять было, как Марлен пьяный матрос за пролитую выпивку зарезал. Ну, госпожа Трише и оставила ее у себя, – невнятно тараторила девица, но мне информации хватало. – А куда дите? Не на улицу же выкидывать, все живая душа! Госпожа Трише ее кормила, а как Эдме подросла, сама зарабатывать стала. Она тихая, безответная, у нее то деньги, то еду отберут. Я сколько раз девкам космы трепала – мол, сироту забижаете, Покровительница благости лишит. А им что?

Женщины кивали и посматривали на меня. Я доела хлеб, и надо признать, он встал у меня комом в горле, но хотя бы перестал так сильно болеть желудок.

– Спасибо, госпожа, – произнесла я, и накормившая меня женщина засмеялась.

– Дите ведь совсем? – спросила она у моей знакомой. – Отпустят ее.

Я насторожилась.

– Да не дите, ей девятнадцать уже, – отмахнулась девица. – Но отпустят, какая из нее принцесса. Дохлая, неказистая, не поверит никто, и правда что как ребенок на вид, еще и дурочка.

– А из нас какая принцесса? – захохотала молчавшая до сих пор четвертая женщина. – Особенно из тебя, Соланж, с твоим-то пузом! А ты, Изабо, уже и забыла, как мужик-то выглядит, корова старая! Зато ты, Габи, наощупь половину королевства отличишь!

– Да-да, Этьена, мы все знаем, как ты мечтаешь надеть чужую корону, – протянула Габи так язвительно и злобно, что даже мне сделалось не по себе. – Учти, тронешь Эдме, мечтать будешь только о том, чтобы сдохнуть быстро и безболезненно. Поняла? – И она подала мне руку. – Иди сюда, Эдме, не бойся. Этьена баба умная, она меня злить не будет, правда, Этьена? Ей еще жизнь дорога.

Габи осторожно потянула меня за рукав, я подошла, и мысли мои были немного паническими. Какая принцесса? Ладно бы из меня, но Этьена права – из нас пятерых? Отребье, как верно заметила благочестивая мать, не ловят на улице, чтобы выдать за члена королевской семьи, и я машинально оглянулась на дверь.

– Ложись со мной, – грустно сказала Габи, – все равно не сбежишь. Все здесь заперто. Тебя отпустят, Эдме, не бойся. Ложись и спокойно спи.

Я села на лавку, позволила Габи уложить себя рядом с ней. Прожженная кабацкая девка обращалась со мной бережно, как с младшей сестрой, и это была не показуха, не попытка подмазаться, да и к кому? Я пристроила голову на подобии подушки, отметив, что Габи старается лечь так, чтобы мне было удобно на узком ложе.

Я не сбегу, но меня отпустят, поэтому мне нечего бояться. Если только...

– Этьена, я тебя предупредила, – громко сказала Габи. Кто-то невесело фыркнул, и Изабо потушила единственную

свечу.

Глава 4

– Глупости, никто не ест людей.

– Тогда куда они все пропадают?

Я думала, что сна мне не видать, но, может, из-за того, что лежала неподвижно, боясь потревожить Габи, я заснула и спала на удивление крепко. Но я не удивилась, очнувшись черт знает где и услышав странные разговоры.

– А кто знает, куда они пропадают, Изабо? – Габи давно проснулась, я лежала на лавке одна, заботливо прикрытая то ли чьей-то юбкой, то ли куском ткани... – А тебе, Этьена, чего не сидится в Комстейне, а?

Я лежала с закрытыми глазами и упорно делала вид, что сплю. Что значит – никто не ест людей?

– Что я тут вижу? Работу с утра до ночи? – хрипло рассмеялась-простонала Этьена.

– В Астри, конечно, ты будешь на перине лежать, как госпожа, – ехидно согласилась с ней Габи, а я замерла. Астри? – Долго нас держать не будут, сегодня-завтра придут, посмотрят и вышвырнут. Соланж, ты ведь уже раз попадалась?

– Да такая же пузатая ходила, а Фелис уже пятый год идет... Они меня ищут, наверное, – вздохнула Соланж. – Ре-не опять меня побьет. Чего доброго, решит, что и этот ребенок нагулянный.

– Вот и выходи замуж, Этьена, особенно за чудовище! Од-

ними побоями не отделаешься! – веселилась Габи, но особой радости в ее голосе я не слышала.

Астри, Астри... В Астри собирались бежать рабы. Если попробовать построить логическую цепочку: они подгадали время побега, они знали, что ловят девиц, чтобы отправить их в Астри – раб в Астри станет свободным, а девушек там съедят. Съест чудовище – впрочем, это как раз бабьи сказки, а еще принцесса, при чем тут принцесса, почему на нее кто-то должен быть похож?

Самое очевидное: отправить должны принцессу, но принцесс на всех чудовищ не напасешься, и поедет похожая бесправная девка с улицы, ее не жалко, если что. Если – что? Если ее съедят. Я закатила глаза под сомкнутыми веками. Годится для детской книжки. Достроим версию: рабы ждут, пока в Астри отправится караван, посольство, что угодно. С охраняемым караваном шансов добраться до цели больше, но, конечно же, не рабу.

Глупо. С моей точки зрения, кто знает, что там на самом деле.

Дверь открылась. Я приоткрыла глаз – я не видела дверной проем, но могла понаблюдать за реакцией женщин.

– Ты и ты! – гаркнула вчерашняя благочестивая мать. – Вон отсюда! А ты – собирайся, и девку подними. Она вообще живая?

На меня что-то свалилось, к счастью, не тяжелое, какие-то тряпки, и я сочла нужным дернуться.

– Что стоишь, кому ты нужна со своим брюхом? Проваливай, и ты, бесстыжая, тоже вон! А вы собирайтесь!

Благочестивая мать с таким грохотом захлопнула дверь, что притворяться спящей я уже не могла, к тому же благодетельная монашка продолжала драть глотку в комнатах по соседству.

Я приподнялась, Габи присела рядом со мной и обняла за плечи.

– Не бойся, Эдме. Я подожду тебя за стенами монастыря, – пообещала она. – Пойдем домой, госпожа Трише нас накормит. Вон ты какая стала чистенькая, – улыбнулась Габи. Я кивнула: дурочка, я дурочка. Нет, кто бы мог подумать, что идиотская максима «дурой жить легче» в кои-то веки окажется самой работающей?

– Долго вас ждать? – завопила благочестивая мать на весь коридор, и Габи поднялась. Соланж тоже, они вышли, прикрыв дверь, и мы остались втроем: я, Изабо и Этьена.

Я села на лавке. Этьена подскочила ко мне, схватила тряпки – похоже, одежда, и неплохая, угрожающе сунула мне под нос сжатый кулак. Иди к чертовой матери, дура, последнее, что я намерена делать, это воевать с тобой за тряпье. Но я недооценила Изабо: она молча подошла, выдернула у Этьены часть вещей, а как только та попыталась огрызнуться, схватила ее за волосы, сильно дернула вниз, вверх и отшвырнула визжавшую Этьену в угол комнатухи.

Кажется, меня еще мало били – в самом прямом и поло-

жительном смысле, и Габи права, надо выбираться отсюда и бежать под крылышко госпожи Трише. При всех ее отталкивающих манерах и привычке унижать каждого, кто не успел напиться до полусмерти, я там прожила девять лет, уцелела и не сдохла ни от голода, ни от побоев. «От добра добра не ищут» – еще одна дурная максима, но это на взгляд человека эпохи сытого гуманизма.

Драки не случилось – не в последнюю очередь, видимо, потому, что монашки бы не церемонились. Битая уличная девка и баба все равно сгодятся для цели, ради которой нас сюда приволокли.

– А ты что? – окрысилась на меня Этьена. – Сидишь сиднем, дурная! Так и будешь в тряпье?

– Это хорошее платье, – прохныкала я, попытавшись пустить слезу, но не вышло. Главное не переиграть. – Не отдам.

Этьена плюнула и продолжила наряжаться, я наблюдала за процедурой с интересом. Женщины разоблачились донуга, друг друга не стесняясь, а я могла оценить, как выглядит одежда если не принцессы, то по крайней мере не нищенки.

Длинная белая – относительно, отдающая желтизной – рубаха, чулки, которые подвязывались под коленом; корсет, и обе женщины были вынуждены обратиться друг к другу за помощью, потому что альтернативой была только никчемная я; сверху нечто вроде короткого платья с короткими же рукавами, из-под которого торчала рубаха; длинная юбка и наконец куртка в цвет юбки.

Все лишнее летело ко мне – я механически складывала, но то Изабо, то Этьена подходили и забирали у меня рубаху или юбку. Я недоумевала, потому что на вид и по размеру все было абсолютно одинаковое, да и обе женщины становились похожи как близнецы. Потом я подумала, что мне влетит от госпожи Трише за оставленное платье, но не идти же искать его по всему монастырю?

Новую обувь нам никто не принес, из чего я заключила, что туфли стоят намного дороже одежды. Этьена и Изабо уселись в противоположных концах комнатухи и гипнотизировали одна другую колкими взглядами. Не дергают патлы друг другу, а особенно мне, и на том спасибо.

– Хоть бы поесть дали, – пробурчала Этьена. Изабо криво ухмыльнулась.

Ждали мы долго. Я затруднялась сказать, сколько времени прошло, из коридора доносились короткие команды и женские голоса, часто возмущенные, солнечный луч сперва зажегся на углу зарешеченного окна, затем переполз на стену, и за нами все же явились.

– Пошли! – приказала монашка. – А ты что сидишь? Почему не переодета?

– Она блажная, благочестивая мать, – низко склонив голову, пояснила Изабо. – Дурочка.

– Вчера-то такой дурочкой не была, – проворчала монашка, но, как мне показалось, слова Изабо ей многое прояснили. – Пошла, пошла! Натащили в обитель всякую шваль!

Она грубо толкнула меня в плечо. Я вывалилась в коридор – метрах в десяти была распахнута дверь и играло сумасшедшее солнце. Первое, что я услышала, как только ступила во внутренний двор и заморгала от яркого света, был недовольный девичий визг:

– Луиза, посмотри! Это отребье! Как они посмели выгнать уличных девок сюда, ко мне?

– Покровительница вам уши... надерет, – откликнулась уже знакомая мне женщина – та самая, которая испросила благословение с горшком в руке. – Ваша светлость, стояли бы вы тихо!

– Они заставили меня надеть вот это! – завопила девушка так, что на нее стали оборачиваться. – Обноски какой-то прислуги!

– Стойте же смирно! – одергивала служанка свою истеричную госпожу, а я обратила внимание, что и правда – мы все здесь были очень и очень похожи.

Если не всматриваться, конечно, но – да, как матрешки, мал мала меньше, одинаково одеты, смахивает на опознание, и будет здорово, если тот, кто должен среди нас узнать преступницу, не ошибется. Впрочем, чушь, в эти времена изобличали намного проще – либо под пытками, либо как повезет.

– Ваша светлость! Его высокопреосвященство! – в ужасе заорала служанка, и крикливая аристократочка замолчала. Зато я – стоя у стены, потому что меня вытолкали и сразу обо

мне благополучно забыли – услышала другой любопытный разговор.

– Что тут делает маркиза де Фрели? – хохотнул стражник.
– Ее отец приближен к трону.

– Ему вчера отрубили голову, Банмаро, – отозвался другой. – Слишком близко подошел, дышал в затылок, его величеству сие не понравилось. Ну, по крайней мере, никто не скажет, что его высочеству подсунули безродную девку.

Самой безродной здесь была я. Монашки выстроили женщин в ряд – маркиза де Фрели начала визжать, и я убедилась, что благочестивая мать не делает разницы между нищенкой и дворянкой: по физиономии маркизе прилетело точно так же, как и мне, я порадовалась равноправию хотя бы в этом. Монахи толпились в углу двора, стражники подпирали стены. Я оказалась предоставлена сама себе, потому что еще не настолько спятила, чтобы добровольно лезть в тот рядок из обреченных на нечто, мне не понятное.

Двадцать три... двадцать четыре женщины, я двадцать пятая, и меня, может, никто не хватится. Монахи забурлили, выпустили из плена невысокого полненького дедульку в ярко-красном одеянии, и он не торопясь пошел вдоль строя женщин, сопровождаемый монахами. Несмотря на целибат, сверкающие тонзурами монахи осматривали женщин весьма плотно.

Благочестивая мать что-то подобострастно говорила кардиналу – ведь это кардинал, подумала я. Его высокопреосвя-

щенство лениво кивал и делал руками неразборчивые пассы – их прекрасно интерпретировали монахи, выдергивали женщин из ряда и передавали монашкам. Я понадеялась, что пленниц отпускают, а не сжигают как ведьм – все может быть.

– А ты что? – раздалось над моим ухом, и я вздрогнула и подняла голову. Стражник – как я могла судить по его алой перевязи, «гвардеец кардинала» – смотрел на меня, скривив губы, и словно решал, что со мной делать.

Я раскорячилась в книксене. Требования этикета, таковы они здесь были или нет, дали мне пару секунд на обдумывание.

Мое платье отличалось от одежды остальных женщин – было гораздо проще, и стражник не мог определиться, выкинуть меня в коридор монастыря или пинком отправить в ряд. В пользу того, что мне нечего делать на смотре, говорили мой рост и то, что я никак не тянула на девицу на выданье, несмотря на мои девятнадцать лет. Я еще раз присела.

– Добрый господин, меня прислали убираться, – пискнула я, вспомнив, что мне собирался вчера поручить брат Луи.

– Ну так убирайся, – проворчал стражник. Я с готовностью дернулась в сторону темного провала двери, стражник схватил меня за шиворот и переставил обратно. – Не при его высокопреосвященстве, дурочка! – беззлобно прикрикнул он.

За спиной стражника чах кустик. Растение было обрече-

но в любом случае, поэтому я подошла и стала обламывать прутики. Какие-то оказались совсем сухими, какие-то еще цеплялись за жизнь, и я их пощадила. Венчик вышел у меня лысоват, но для демонстрации намерений хватит; когда я уже сжимала в руке штук пятнадцать прутиков, карающая длань до меня дотянулась.

– Ах вот она! – каркнула благочестивая мать, и меня вместе с прутиками проволокли за шкурку по всему дворику и воткнули на свободное место в ряду. Надо сказать, ряды поредели... не больше двенадцати женщин, и Этьена тут, а вот Изабо уже на свободе. – Стой здесь, шелудивая, да глаза держи долу, ну!

Жаль, что я не успела полностью отыграть блаженную дурочку перед его высокопреосвященством – благочестивая мать дала мне подзатыльник, чтобы не смела пялиться на кардинала. Я пыталась собрать в пересохшем рту слюну и нарочно дергалась, как в нервном тике, умышленно пару раз задела маркизу, но при кардинале орать она, к моему великому сожалению, не осмелилась.

– Вот эта, – услышала я и рассмотрела пыльную сутану. – Ее зовут Эдме, святейший отец.

– Эдме? – протянул кардинал. На шее у него висел меняющийся цвет камень-шарик – такой же, только гораздо меньше, показывал мне брат Луи. – Эдмонда. И это все? А ну-ка выйди.

Проклиная все на свете, я выступила вперед. Слюна не

набралась, поэтому я просто идиотски заулыбалась, зажмурившись, благо солнце светило мне прямо в глаза. Что всем не дает покоя мое имя?

– Очень похожа, святейший из святейших, – продолжал брат Луи, – но милостью Покровительницы умом слаба. Что это у тебя, Эдме?

– Венечек, – честно ответила я нарочито детским голоском. Нет, переигрываю, но и они тут не светила психиатрии.

– Веночек? – переспросил брат Луи и, сложив почтительно руки, обратился к кардиналу: – Видите, святейший отец? Но выгонять ее из стен обители немилосердно, я приказал ее к сестре Клотильде отправить. А она, глупая, сюда пришла со всеми.

Пользуясь тем, что мне после этих слов простили бы что угодно, я с гримасой покосилась на благочестивую мать. Выкуси, мол, и выведи меня с этого отбора черт поймешь чьих невест. Брат Луи опять повернулся ко мне.

– Ну иди, иди, дочь небесная, иди, – повторял он, пока я на негнущихся ногах не покинула ряд. Кардинал и монахи пошли дальше, благочестивая мать мстительно толкнула меня в спину, и хотя первым желанием было ответно приласкать ее веником, я поборолла в себе порыв и побрела, поднимая веточками клубы пыли.

Солнце поднималось в зенит, светило ярко, но не пекло – стояла поздняя весна или раннее лето. Двор был сух, даже несколько выжжен, от вчерашнего дождя и обманчивой све-

жести не осталось следа, смердело подсохшее дерьмо, щеко- тало нос и давило горло.

Моей целью была калиточка. Куда бы она ни вела, мне нужно было уйти, я хотела пить и есть, и еще... Эдме все- таки что-то пила и ела, и мне требовалось найти укромный уголок. Что-то подсказывало, что официальное положение уличной дурочки не спасет меня от порки, если я осквер- ню священные стены. А я могу здесь неплохо устроиться – благочестивая мать будет меня лупить, но со временем я на- учусь уворачиваться. Монастырь – это кров и пища, и воз- можность прожить еще лет сорок пять. Не мечта, разумеет- ся, но альтернативы ведь нет.

За моей спиной древние стены содрогнулись от воплей маркизы де Фрели, и как мне ни хотелось обернуться, я сдер- жалась. Калиточка привела меня в маленький дворик – сте- ны без окон, чудный садик в цвету, две скамеечки, отполиро- ванные тысячами монашеских... роб, и одна-единственная дверца, сделанная, судя по размеру, для кошки, но я пролезу, потому что присесть среди магнолий и роз – обречь себя на неизвестные испытания, которые еще непонятно, переживу ли.

Сжимая свой веничек, я протиснулась в дверцу. Пахнуло кислятиной и сыростью, капала вода, на усыпанном кроше- вом полу источала миазмы дохлая крыса. Потолки были вы- сокими, я смогла выпрямиться. Пристроив веник на невысо- кую бочку, я зашла за прогнившие ящики и с облегчением

сделала то, зачем пришла. Увы, ничего, что напоминало бы туалетную бумагу, но – чувство стыда накрыло с головой – повезло, что в этот раз можно было обойтись без нее.

В том, что нижнего белья и в помине нет, есть преимущества.

Я выбралась, оправляя одежду, и замерла. Заблудиться я не могла, вот бочка, вон крыса, вон дверца, которую я предусмотрительно прикрыла, но где веничек? Не то чтобы он важнее всего, но кому он кроме меня нужен?

Сильная рука зажала мне рот, и я не успела даже крикнуть.

Глава 5

Я была готова дорого продать свою жизнь, хотя и не знала, кой черт она кому-то сдалась. Определенно мужчине, и пахло от него пряностями – местный финансовый воротила шастает по монастырям в погоне за неосторожными монашками? Если что и стоило в это время дороже золота, так это шмотки и приправы. У меня ни того, ни другого нет.

– Я тебе ничего не сделаю, только молчи, – раздался шепот, и я от неожиданности дернулась, но кивнула, и рука исчезла.

Мне хотелось задать Эрме кучу вопросов. Например, что он делает в подвале обители, откуда у него такая богатая одежда – впрочем, на последний вопрос он не станет отвечать, если у него сохранилось хоть немного здравого смысла.

– Ты прислуживаешь здесь? – быстро и приглушенно говорил Эрме. – Я заплачу тебе дукат, если ты принесешь немного еды и скажешь, когда отправится дилижанс в Астри.

А он меня не узнал, и это неплохо, но на корню отрубает мне возможность его расспросить. Ошейник на нем так и остался, пусть сейчас его скрывал пышный воротник. Эрме заметил мой взгляд, отступил на шаг, коснулся шеи и поправил кружева.

– Я тебя не выдам, – хмыкнула я. – Зачем ты забрал мой веник?

В полумраке подвала сложно рассмотреть мимику. Что-то зашуршало, в ладонь мне ткнулись прутьики. Я сжала их и решила, что без дуката смогу обойтись, а вот узнать, что происходит, стоит, потому что информация намного дороже денег. В моем случае – без всяких сомнений.

– Что за дилижанс? – спросила я и, нашарив позади себя ящик, села. Подо мной что-то хрустнуло. – И – здесь склад, здесь разве нет еды?

– Это старый подвал, его давно засыпало, и все сгнило, – растерянно отозвался Эрме. – Сюда никто не ходит.

– Я здесь недавно, – невнятно перебила его я, пока он не перешел в наступление. – А дилижанс?

– Ты недавно в Комстейне?

Какой догадливый, улыбнулась я.

– Я всю жизнь прожила в деревне и приехала сюда в монастырь, – объяснила я. Эрме поверил – я физически ощутила, как он расслабился и дыхание его стало свободнее. – Зачем-то собрали женщин всех сословий.

Хорошо бы эта игра превратилась в переговоры, потому что пока она смахивает на допрос, и мне придется честно ответить, зачем я сюда залезла.

– В Астри должны отправить принцессу. Сейчас очередь Комстейна. Но никто никогда не отправляет настоящих принцесс.

– Потому что их там едят? – съязвила я. Наследниц трона не напасешься на чужое меню.

– Никто не знает, что с ними случается, – Эрме говорил так, словно это была привычная тема для разговоров – или так и есть? – Их отправляют раз в год, в два года, из разных стран, и принцессы никогда не возвращаются.

Любопытство потянуло меня за язык, поэтому я предусмотрительно прикусила его. Неизвестно, что за договоренности между государствами и почему каждый раз жертвуют девушек, вместо того чтобы положить этому идиотизму конец, но с Эрме вряд ли кто-то делился дипломатическими тайнами, он знает то же, что и все, то есть не знает ничего, кроме сплетен.

– И тебе нужно попасть в Астри, – кивнула я. Скажет или нет про остальных? Где они, что с ними, и особенно меня беспокоила маленькая Марибель. – С этим дилижансом?

– Дилижанс всегда сопровождает стража. Без нее добратся очень сложно. С ней тоже... но это не твое дело.

Это понятно. Путь, вероятно, долог и непрост, нужна вооруженная охрана, а если стражники опознают раба – ему крышка. Не опознать мудрено, когда на рабе ошейник.

– Сколько еды тебе нужно? – спросила я. – И, может быть, нужна одежда? Пожалуй, я кое-что смогу раздобыть.

Даже в темноте я видела, с каким подозрением Эрме на меня смотрит. Сколько бы дней они уже ни скитались, все это время они шарахались от людей, голодали, подворовывали. Он кусал губы, и я знала почему – Эдме из трактира они предупредили, что ей грозит за помощь рабам, а Эдме из мо-

настыря – нет, и воротник надежно скрывал ошейник... если не знать и не вглядываться, но все равно Эрме тревожило, что я нет-нет, да и кидаю на воротник взгляд. Я и рабов могу выдать, и себя подвести под монастырь. Забавный каламбур.

– Если сможешь достать платье, такое же, как у тебя, – наконец выдавил он, – я заплачу тебе дукат.

Да, все женщины одеты одинаково...

– Ты мне один уже должен, – напомнила я иронично и внешне поймала себя на каком-то, черт, девичьем кокетстве. Мне почти пятьдесят, мальчишка годится мне во внуки, но если проигнорировать, что мое тело и мой разум периодически конфликтуют, мы с Эрме отличная пара. Эрме и Эдме, беглый раб и оборванка, и оба живы лишь по удачному стечению обстоятельств.

Эрме сунул руку в карман и показал мне монету. Я не пошевелилась.

– Не спросишь, кто я, зачем мне в Астри, зачем одежда? – прищурился он.

– Я могу, – пожалала я плечами, – но ты не ответишь, а если я буду настойчива, можешь убить. Так что лучше я заработаю дукат – два дуката, и мы разойдемся. Ты умеешь читать?

Он, может, и да, но что сказать обо мне? Откуда трактирная поломойка может знать грамоту?

Эрме открыл было рот, но я резко выставила руку вперед. Сейчас мы договоримся – и кто я, и кто он, и, возможно, тогда уже нам придется рвать друг другу глотки, потому что

нет никаких причин доверять.

– Я принесу тебе сюда одежду и... – я оглянулась. – Ладно, ты умеешь считать? – Эрме кивнул. – Я... выложу камни. Сколько камней, столько дней до отъезда. Давай дукаты.

Беглым рабам деньги нужнее, чем мне, но жадность – то, чем я проще всего могу объяснить свое желание помогать. Я верну эти деньги вместе с едой и одеждой. Где, тысяча чертей, он украл этот костюм, и надо сказать, ему идет. Эрме без промедлений вложил в мою руку деньги, и я слезла с ящика.

– Здесь есть еще выход?

– Проход на двор, где собираются прихожане. Но ты выйди тем же путем, как зашла сюда.

В его голосе прозвучала угроза, и я догадалась, что там, возле второго лаза, скрываются остальные. Я их не слышала, они не слышали меня, но подвал, скорее всего, огромный. Есть где спрятаться самому и спрятать труп не в меру назойливой зарамашки. Я повернулась и, помахивая веником, пошла к выходу. Платье путалось в ногах, я сунула дукаты за пазуху, подобрала юбку, пока не споткнулась и не переломала себе и руки, и ноги, и осторожно выглянула в садик.

Никого.

Я подкралась к калитке – узнать, что со смотром невест. Итак, выбирают девушку, похожую на принцессу, и понятно, почему всех обрядили в однотипные платья. Сомнительно, чтобы дочь или племянница короля носила настолько грубые тряпки, но зато они не отвлекают тех, кто точно видел

ее высочество и не раз: например, кардинала. Я, к счастью, успешно отыграла роль дурочки, и спасибо брату Луи – пощадил меня.

Во двореике остались только стражники. Девиц увели, ушли монахи, видимо, после того, как я смоталась, много времени отбор не занял, и его высокопреосвященство определился с кандидатурой. Заткнув внутренний голос, который пытался понять, что за смысл отправлять несчастных на верную гибель, а главное почему, я, усердно размахивая веником, под насмешливыми взглядами стражников проследовала к двери в монастырь и юркнула туда.

Тишина. Даже маркиза не вопит, возможно, ее отправили домой. А Этьена? Кого из тех, кто оставался, приговорили к казни? Я вздохнула: какая разница, главное, что не меня, моя задача отыскать сестру Клотильду, постараться ей понравиться, получить распоряжения, поесть и раздобыть одежду. Обязательно, потому что Эрме просил платье, а значит, Марибель не может показаться людям без риска.

Бедный ребенок! Да все они. Дикий мир, и дело не в том, что – я почесала за ухом – грязь и вши, а в том, что есть люди как вещи.

И даже те, кто не раб, может быть фактически продан, и допустим, что на съедение. Или как жертва на алтарь – все может быть.

Впереди открылась дверь, я распознала монашескую одежду и кинулась с криком:

– Благочестивая мать! Благочестивая мать!

Монашка остановилась. Она была высокая, худая, уже пожилая, и смотрела на меня с неподдельным интересом. Я сбавила темп, подошла, помня, за что мне уже попало, уткнула взгляд в пол, руки с веником завела за спину.

– Благочестивая мать, брат Луи приказал мне найти сестру Клотильду, – учтиво протараторила я.

– Ты откуда? – спросила она озадаченно, и высохшая рука схватила меня за подбородок. Я вытерпела и умудрилась не встретиться с сестрой взглядом.

– Из деревни, – раз прошло вранье, и не стоит выдумывать новое. Еще я сообразила, как я могу разжиться платьем. – Можно мне тоже благонравно одеться, благочестивая мать? Я хочу быть как сестра. И... покушать?

Монахиня раздумывала. Я ждала. Идиотское положение – зависимость от всех, кто меня окружает, и то, кто я есть, не дает никакого повода надеяться, что это изменится. Я никто и звать никак.

– Как твое имя?

– Эдме, – вздохнула я и приготовилась к очередному удивлению, но монахиня сухо кивнула.

– Пойдем.

Я гадала, куда она меня ведет. Коридор, еще один, монастырь был старый, но на удивление чистенький – сестра Клотильда следит за тем, чтобы в святых стенах не устраивали свинарник. Монахиня остановилась перед дверью, смерила

меня взглядом, пожевала губами.

– Приберешься тут. Разберешь все, а что нужно – постираешь. Потом придешь в трапезную.

Нет смысла доказывать, что я зверски голодна. К тому же в монастырях прием пищи по расписанию, и хорошо если не идет какой-нибудь пост, потому что одним хлебом сыта я не буду.

– Благочестивая мать? – с показной робостью пискнула я.
– А когда уйдет дилижанс?

– Завтра утром. – Эта монахиня ничему не удивлялась – Покровительница смилостивилась надо мной и послала хоть одного человека, которому все до лампочки. – Если справишься с работой, можешь прийти посмотреть.

Почти как Золушка. Совсем здорово, если перед тем мне всю ночь не придется отделять зерна от плевел.

– Найдешь меня, – приказала сестра, – я дам тебе платье послушницы. Три года будет послушание, потом сможешь посвятить себя Покровительнице.

Она развернулась и пошла по своим делам, я прикинула перспективы. Работа – прекрасно, особенно если никто не будет меня дергать. Еда... тепло... комфорт – если где-то и есть это в избытке, то здесь, в монастыре. Мне повезло?

И я узнала, когда уйдет дилижанс. Толкнув дверь, я вспомнила свой разговор с Эрме: как-то мне надо дать понять с помощью камней, что час икс уже завтра.

В комнате – я не поверила глазам – была навалена куча

одежды. Разной, но женской, и побогаче, и победнее, и я даже увидела свои обноски. Значит, сюда скинули все, что носили прибывшие на смотр девушки и женщины, и то ли монашки посчитали, что все теперь принадлежит монастырю, то ли сами женщины предпочли оставить себе чужую одежду. Да полно, за исключением маркиз и графинь здесь все носят что-то с чужого плеча.

И я опять задалась вопросом, что стало с прежними хозяйками этих платьев, например, того, что на мне надето. Какие бактерии уже ползают по мне и стремятся атаковать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.